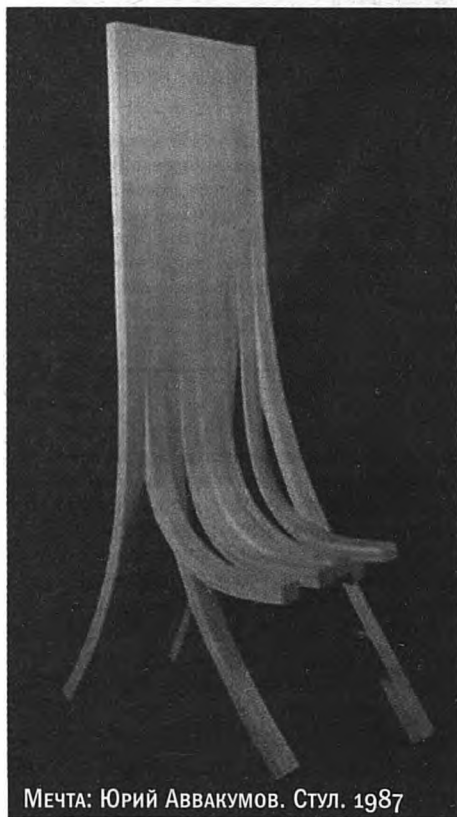
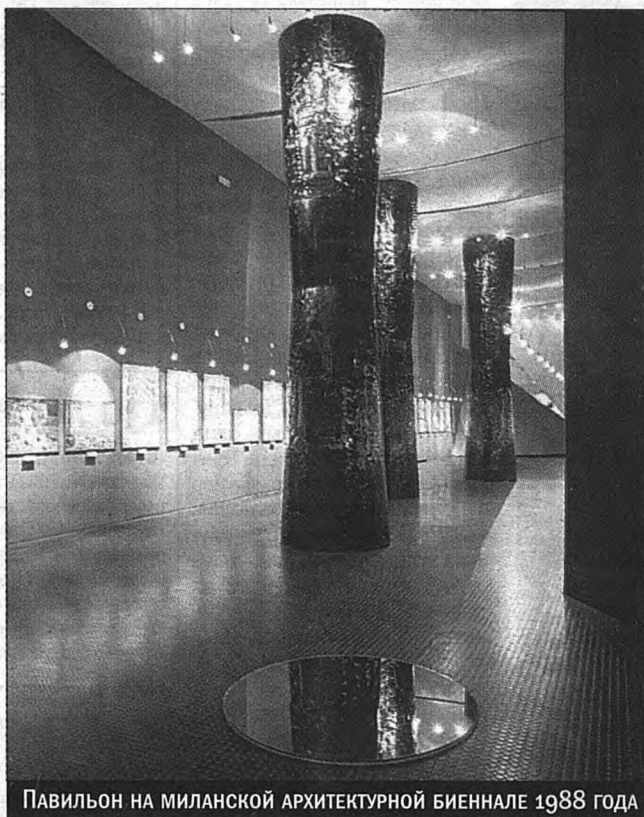

«бумажная архитектура»
(архитектура и интерьеры)

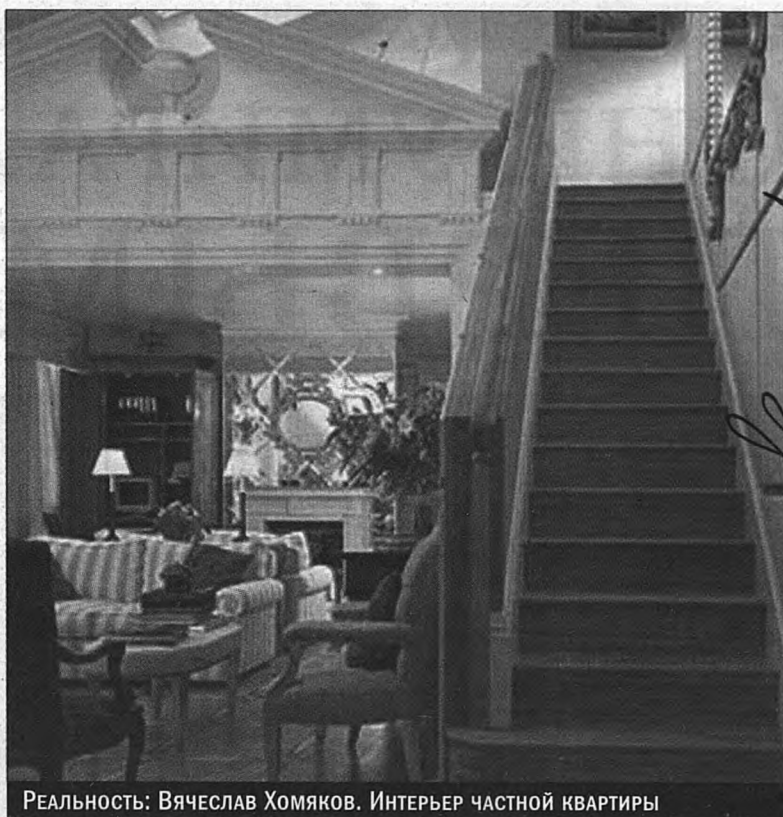
19.08.07

Мечта: Юрий Аввакумов. Стул. 1987

Павильон на миланской архитектурной биеннале 1988 года

Реальность: Вячеслав Хомяков. Интерьер частной квартиры

Игорь ШЕВЕЛЕВ

РЕТРОСПЕКТИВА

Бумажная архитектура — исключительное русское явление, заявившее о себе 1 августа 1984

года, когда в редакции журнала «Юность» открылась выставка молодых архитекторов, поразившая буйством идей. Работы свои они смело отправляли на международные выставки, где на них дождем посыпались премии. Русская бумажная архитектура, а другой тогда и быть не могло, была признана мировым явлением. С тех пор молодые гении стали мэтрами, а первый в мире социализм — доморощенным капитализмом. В том же доморощенном стиле бурно расцвела архитектурная Москва. Такое ли будущее зодчества вышло из 84-го?

На этот и другие вопросы отвечает известный архитектор и художник **Юрий АВВАКУМОВ**, неофициальный глава и куратор русской «бумажной архитектуры» 80-х годов.

— Отечественная «бумажная архитектура» — уже часть истории. Осталось ли само поколение тех архитекторов «бумажным»?

— «Бумажная архитектура» — завершившийся феномен. Возникшая в начале 1980-х годов, к 1988 году она практически прекратила свое существование. Но тех, кто получал тогда первые премии на международных конкурсах, могу перечислить: Белов, Бродский, Уткин, Буш, Хомяков, Лабазов, Чельцов, Кузембаев, Кузин. Сейчас они строят вполне реальные вещи — от квартиры до кладбища, от виллы до стадиона.

— Из этого списка вы выпали?

— Это личное. У меня конвейерофобия. Меня мучило, когда я представлял, что у меня будет бюро и я буду штамповать квартиру за квартирой. Но сейчас такое «специализированное» время: один становится лучшим специалистом по виллам в классическом стиле, другой — по спорткомплексам, третий — по фонтанам. Я из этого времени, к сожалению, выпадаю, хотя психологически чувствую себя комфортно: позавчера выполнил интерьер ресторана для Бильжо, вчера — реконструкцию архитектора Малевича

НЕ НАДО ДЕЛАТЬ ИЗ ЗАКАЗЧИКА ИДИОТА

для Третьяковской галереи, завтра будет скульптура в Бухте Радости, послезавтра — выставка моды в Лондоне.

— Художественный плюрализм был принципом выставок «бумажной архитектуры». По душе ли вам разностилье новой Москвы?

— Это совсем разные вещи. Когда бумажные выставки путешествовали по миру, многие зарубежные коллеги спрашивали, как это все у вас уживается. У нас, мол, модернист с постмодернистом рядом не сядет, а у вас на одной выставке «классицист» Филиппов с «конструктивистом» Аввакумовым. Мне кажется, важнее другое — двадцать лет назад стиль перестал быть единственной коммуникацией. Идея, концепция оказались важнее. Но концепция невозможна без формального языка, без стиля — и вот каждый выбрал себе свой. И когда вокруг все говорили на новоязе, этот вавилонский базар казался Эдемом.

Совершенно другое дело — то, что происходит в Москве сейчас. Я все-таки представляю себе архитектуру как занятие образованных людей. А когда перед тобой случайное цитирование наспех перехваченных образцов, не складывающихся во внятную картину, это не искусство.

— А что?

— Есть такое понятие в русском языке — «халтура». Надо быстро сделать, получить деньги, пересчитать, опять сделать. Вопросы качества, а равно и морали не поднимаются. Халтура, как мы понимаем, очень была развита в годы застоя. Все где-то халтурили, и архитекторы не исключение. Сейчас, когда Москва становится все больше похожа на Лас-Вегас, а нас уверяют, что в этом ее историческое своеобразие, начинаешь думать о профессиональном уровне архитектора. — Но он скажет, что делает то, что заказчику понятнее. — Не надо делать из заказчи-

ка идиота. Заказчик может быть не всегда образован, но, если с ним поговорить, окажется, что он все понимает. Во всем мире деньги неизбежно оказываются в руках у самых умных и порядочных людей. Но есть язык, на котором архитекторы общаются со своими клиентами и договариваются. Тот же самый наш заказчик 15 лет назад слыхом не слыхивал про Армани. Но как только появилась возможность ездить и покупать, начал покупать этого самого Армани. Заказчику надо, чтобы ему было понятно, удобно, хорошо, модно, легко и так далее. Так что проблема не в заказчике.

— Все-таки в исполнителе? — Конечно. Мы ведь из бумажной ли, из советской ли архитектуры, но вышли в архитектуру капиталистическую, не имея приличного образования — полтора института с устаревшим преподаванием на всю страну, без науки, без культуры. Наша архи-

тектура страшно далека от народа, от общества. Ею по-прежнему руководит начальство, она не в состоянии развиваться самостоятельно. Плюс огромное число бесхозных зданий, за которые, как выяснилось, нужно платить. Вот наследство, которое мы получили. А что бумажная архитектура? Мираж оазиса в пустыне. Это несчастье и беда нашего поколения.

— Но без вашего поколения вообще ничего бы не сдвинулось. Разве случайно, что «бумажная архитектура» появилась в начале 80-х и к перестройке, по сути, исчезла?

— Да, главное, что принесла «бумажная архитектура», — это персональное переживание свободы. Свободы от начальника, от худсовета, от привычки. Наши конкурсные малявы нашли своих квалифицированных читателей, оказалось, что мы не уроды, не хуже других и могли бы многое. Нас, как детей, похва-

лили, и мы, как дети, обрадовались.

— Сейчас эта свобода опять ограничена реальностью, хоть и иного свойства?

— Даже не столько реальностью, сколько человеческим фактором. Если архитектор должен кормить жену, детей и десяток сотрудников своего бюро, наверное, он будет больше склоняться к компромиссам с реальностью. Поэтому бунт, в том числе творческий — прерогатива молодежи.

— В среде молодых архитекторов вы видите возможность нового прорыва?

— Я не вижу, но, может, это возрастной дефект моего зрения. При советской власти мы устраивали больше выставок, чем нынешнее поколение. И три могилки на «Арх-Москве» — это, конечно, правильный лозунг, но, в отличие от бумажной, не архитектура. «Музей исчезнувших домов» Бродского/Уткина 1984 года — высказывание на ту же тему гораздо более серьезное и профессиональное. Но дело не в том, что я не вижу, кого благословить. До 16 лет все мы гении, проблемы начинаются потом. Нет системных перемен ни в образовании, ни в самой профессии.

— Но кроме заказчика и исполнителя есть общие экономические составляющие. Не является ли московская архитектура последствием особой «московской экономики»?

— Архитектуру называют «застывшей музыкой», а я бы в данном случае назвал ее «застывшей экономикой». О коррупции говорилось столько, что и прибавить вроде нечего. К тому же и опасно — а ну как подадут на тебя в суд, как на историка Комеча, вся вина которого в том, что он учит нас читать город, как Красную книгу. Но коррупция есть и в цивилизованных странах. И памятники культуры гибнут не только в Москве и Афганистане. Вопрос в реакции общества. Если оно борется с болезнями — оно нормально, и архитекторы достойные для него найдутся. Не свои, так иностранные, как это в истории России много раз бывало. Так что не только архитектор у нас не готов сегодня работать на международном уровне, мы все не вполне готовы.

Юрий Аввакумов

Михаил Лабазов, Андрей Чельцов, Андрей Савин. Загородный жилой дом «Блин»

Александр Бродский. Стулья из интерьера. 1998